

Газета — 2004 — 20 февр — с. 13.

“Все, что не сущностно, должно быть устранено”

Марио Ботта — Газете

Бывший ассистент Ле Корбюзье и Луиса Кана, знаменитый **Марио Ботта** входит в первую десятку ведущих архитекторов мира. Он участвовал в конкурсе на проект нового здания Мариинского театра, ему доверили перестройку «оперы опер» — здания миланского театра La Scala. С уроженцем Тичино **Марио Ботта** побеседовала корреспондент Газеты **Надежда Воинова**.

Какие принципы являются для вас определяющими в архитектуре?

Архитектура должна быть архитектурой контекста, то есть вписываться в него и инспирироваться самой окружающей средой. Формы — просты и понятны для прочтения. Так, когда мы работали над проектом часовни Санта Мариа дельи Анджели на Монте Тамаро в Тичино, главной задачей было встроить здание в окружающий горный ландшафт, парящий над долиной. Постройка как бы разделяет два мира — горный и дольный. Я здесь использую одну из моих любимых форм — усеченный цилиндр, но пристраиваю к нему длинный пандус

и добавляю окна-бойницы, что делает его похожим одновременно на римский виадук и средневековый рыцарский замок, контролирующий окрестности. И в то же время сакральная функция здания остается определяющей.

Как, на ваш взгляд, светский архитектор должен подходить к культовой архитектуре?

Это очень интересная для меня задача. Моя работа над церквями помогла мне вернуться к базовым ценностям, таким как объем, тяжесть, свет, материалы и формы. Церкви в Моньо или Монте Тамаро — это акт

сопротивления культуре преходящего. Все, что не сущностно, должно быть устранено. Архитектор работает прежде всего с проблемой памяти. Когда мы строили выставочный павильон, посвященный 400-летию Борромини, работавшего в эпоху барокко, мы просто показали одну из его церквей в разрезе, соответствующим образом подсветив и пустив плавать по озеру. Так она стала гигантской театральной декорацией, галлюцинацией и миражом — и в то же время виртуальной компьютерной моделью. Самым радикальным жестом в отношении классики стало сохранение и анализ ее форм. Мне в то время даже приснился сон: Борромини лично явился и поблагодарил за то, что я для него сделал.

Какова география ваших работ?

Весьма обширна. Я начинал у себя на родине, строил много для Европы. В Токио мне заказали арт-галерею «Ватари-ум», в Сан-Франциско — музей современного искусства

ва, в Дели — научно-исследовательский центр, в Южной Корее — административные здания для Сеула и Пусана, в Саудовской Аравии — национальную библиотеку.

С кем из знаменитых художников вы сотрудничали?

Я участвовал в open-air проекте «Ноев ковчег» в Иерусалиме совместно с Ники де Сан Фалле. Это парк и музей под открытым небом, край которого граничит с зоопарком. Ники де Сан Фалле, прекрасная женщина-скульптор, которая, к сожалению, недавно умерла, выполнила фигуры животных для заданного архитектурного пространства.

Кто были ваши знаменитые заказчики?

Трудно оценивать степень знаменитости... Я строил дом для моего соотечественника писателя Фридриха Дюрренматта, который потом в соответствии с его волей должен был быть переоборудован под художественный центр.